

Баран обеспечил заведующего фермой
(смотри свитер и валенки),

председателя колхоза
(смотри воротник, бурки и шапку),

начальника
облсельхозуправления
(смотри шапку и шубу),

...а они барана ничем не обеспечили.

К Р О К О Д И Л

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

(не по Тургеневу)

Отрывки из неизданного дневника директора Краюшкинской МТС Алтайского края Анатолия Георгиевича Сивянок

20 мая

Сегодня я встал рано и сразу покатил на охоту. Ехал и думал: вот это жизнь! Не сравнить с городской. Лёгкие мои вдыхали свежий весенний воздух, а перед глазами одна за другой вставали прекрасные картины природы. Сквозь кустарник заблестел знакомый Чумыш. Я оставил машину и поспешил к его водам, крепко сжимая ружьё. Я прыгнул в лодку и заработал веслом. Вокруг меня была сплошная природа и всевозможная дичь. Пали, не промахнёшься! Я расстрелял все патроны и так увлёкся, что даже не заметил, как солнце село.

...Вдоволь наохотившись, я возвратился, увешанный дичью и очень довольный.

Через две недели

Вызывали в райком. Сначала я почувствовал внутри себя холодок, но потом обрёл спокойствие чувств. В бюро — славные люди. Они меня крепенько раскритиковали и, как полагается, предупредили. Оказывается, моя МТС не уложила в сроки сева и прескверно работала почву.

А я и не знал! Надо будет нажать на заместителей.

15 июля

Наконец-то пришло красное лето! Я спасаюсь от жгучих лучей солнца в прохладной чаще леса, в глубине оврага или на берегу озера в тени плакучей ивы. Со мной верное ружьё. Между прочим, охота для меня не самоцель. Бывают дни, когда я возвращаюсь с охоты без дичи, но зато всегда бодрым, свежим и в отличном настроении.

Но нынешний день был омрачён. Дома я обнаружил записку с вызовом в райком партии.

Утро следующего дня

Узнал, что вызывают из-за провала сеноуборки: план стогования сена МТС выполнила всего на 25 процентов. Опять заместители подвели! Не могут без меня работать. Задал им баню!

Через три дня после бюро райкома, вечером

...Снова предупредили.
Лёг спать спокойно.

28 августа (воскресенье)

...Чего не сделает с человеком любовь, а любовь к охоте особенно! Я даже воскресник организовал. Дело было так.

Утром мне сообщили из райкома, что нужно помочь колхозникам на уборке урожая. Моя охота оказалась под угрозой срыва. Нельзя было терять ни минуты. Я собрал людей, сказал речь и двинул всех в колхозы. Сам же оставался на месте до тех пор, пока последний из энтузиастов не исчез из поля моего зрения. После этого я сел в машину и с сознанием исполненного долга покатил к озёрам.

Через два дня

...Вернулся из райкома. Ничего нового. Получил очередное предупреждение с некоторой дозой внушения...
Спал спокойно.

10 октября

...На охоте не был, а пришлось опять присутствовать на бюро. Подумать только! Меня обвинили в срыве уборочных работ. И кто обвинил! Председатели колхозов Коновалов и Абраменко! Они, дескать, на работе себя не жалеют, а я, директор МТС, все дни пропадаю на охоте. Оттого, мол, по моей вине убрали урожай не за 18 дней, как планировали, а за 45, потеряв из-за опоздания 24 тысячи центнеров зерна.

Я, конечно, признал все свои ошибки и дал торжественное обещание приложить ещё большие усилия с тем, чтобы... и прочее...

Членов бюро тронули мои красноречие и искренность.

Они, как всегда, предупредили, что если я не поправлю дел, то...
Вернувшись к себе, я кликнул шофёра и велел на завтра приготовить машину:

— Теперь на косачей, что ли? — весело спросил шофёр.

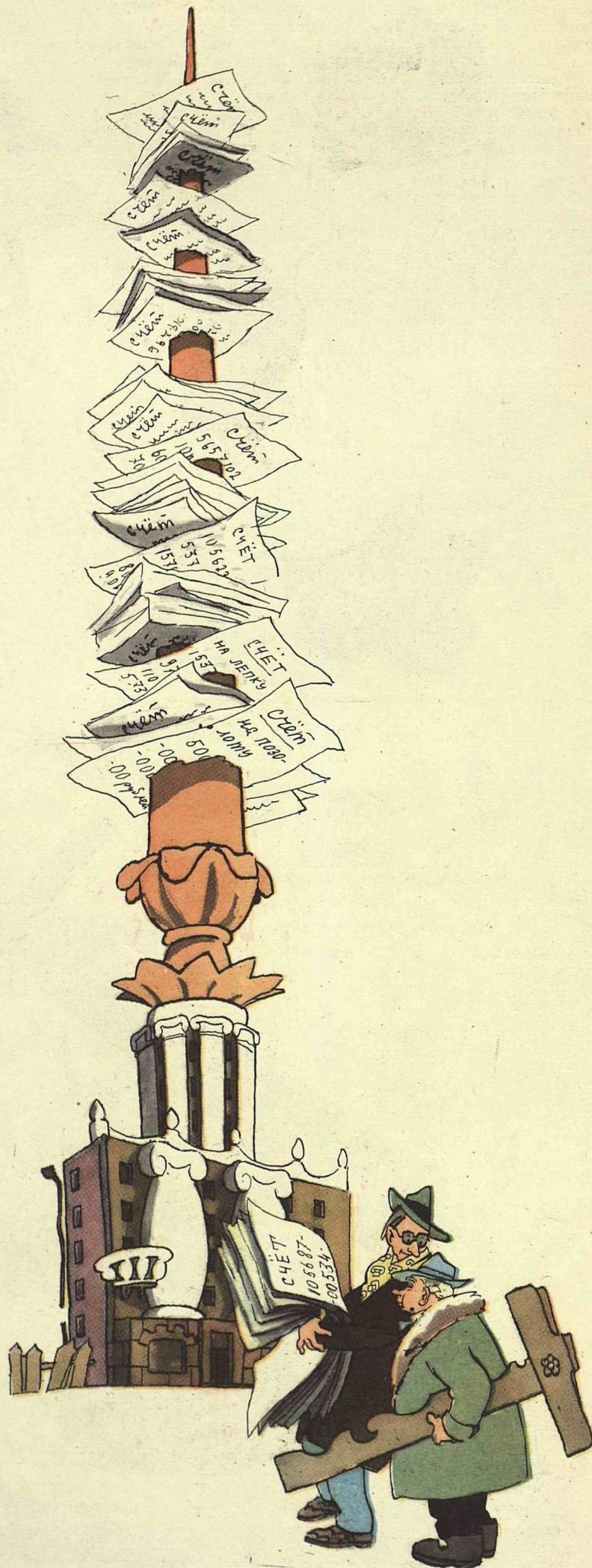
— А как же иначе! — бодро ответил я ему.

15 октября

«Унылая пора! очей очарованье!» — как, помнится, сказал наш бессмертный Пушкин. Я с ним вполне согласен. Как хороша осень для охоты на косачей! Они чаруют мои глаза, когда сидят на голых берёзах. Недавно десяток настрелял... Не забываю также, что впереди зима. Готовлюсь. Почитываю литературу. Изучаю повадки зайцев под дулом ружья. Пока теоретически...

Р. С. Давно что-то не вызывали в райком. Славные там люди!

К печати подготовили:
И. ШИНКАРЕНКО,
В. СТРАТИЛАТОВ

Детали, которые архитекторы в расчёт не принимали.

Когда ученик седьмого класса «Г» Есебергенов Булат удостоился очередной двойки по химии и педагогический совет оставил его на второй год, в ленинградской средней школе № 11 раздался телефонный звонок. Был выходной день, но в учительской сидели несколько преподавателей и толковали о текущих делах. Один из них, тов. Воробьёв, подошёл к телефону и назвал. С другого конца провода донеслось властное контральто:

— А, это ты, химик? Тебя-то мне и надо! Как ты смел поставить моему ребёнку двойку?

Со всем присущим ему тактом учитель пытался урезонить разгневанную собеседницу, втолковывая ей, по каким признакам выставляются оценки. Но чадолюбивая родительница знать ничего не хотела:

— Чтобы была тройка — и всё! И чтобы с осени ребёнок учился в восьмом классе! Пересказав беседу во всех подробностях директору школы, расстроенный Воробьёв пошёл вместе с другими преподавателями в столовую. Там пообедали, вышли по рюмочке (только по рюмочке!) красненького, поболтали о том, о сём, пошутили — и как будто немного отлегло от души. Но оказалось, что успокаиваться не следовало.

У выхода из столовой Воробьёва остановил секретарь городского отдела народного образования:

— Приказано немедленно разыскать вас и доставить живым или мёртвым...

— Пока ещё живой, — мрачно пошутил «химик», но вскоре ему стало совсем не до шуток. В кабинете заведующей горно он встретился лицом к лицу с супругом своей недавней собеседницы, Есебергеновым-отцом. И тот сразу приступил к сути дела:

У ТЕЛЕФОНА МАМА...

— Как ты смел грубить моей жене? Отвечай!

Учитель опешил — и от тона, в котором повёл разговор папа школьника-двоечника, и от дикой несправедливости обвинения. Волнуясь, он рассказал, как было дело, сослался на свидетелей телефонного разговора.

— Если нужно, их можно сейчас же вызвать. Они остались ещё в столовой, где мы обедали.

— Ах, обедали? Значит, пьянствовали? Вот я тебе сейчас!

Есебергенов схватил телефонную трубку и вызвал начальника милиции.

— Прислать в горно милиционера! И врача! Говорю я, Есебергенов! Председателя горсовета перестали узнавать?..

Воробьёв совсем разнервничался и, попросив у руководительницы горно папироску, закурил с её разрешения. Тут Есебергенов разбушевался пуще прежнего:

— Кто тебе позволил курить в моём присутствии? Ах, хозяйка этого кабинета разрешила! А кто здесь старший чинов, не знаешь?..

Тем временем явился «на предмет определения степени опьянения учителя средней школы № 11 Воробьёва В. Я.» врач Асмолов. При освидетельствовании было установлено, что подозреваемый, по собственному чистосердечному признанию, выпивший в выходной день за обедом рюмочку вина, «имеет запах алкоголя изо рта». Однако «на вопросы отвечает правильно» и походка у него тоже правильная.

Милиционера пришлось отпустить. Но врачу Есебергенов категорически предложил написать о наличии «запаха алкоголя изо рта» официальную справку с печатью. А тогдашнюю руководительницу горно тов. Драпш председателю горисполкома обязал объявить строптивому химику строгий выговор с занесением в личное дело.

Что и было, как ни странно, выполнено.

...Минувало полгода. Сын председателя исполкома Ленинградского горсовета Есебергенов Булат учится уже в другой школе, но попрежнему исправно «зарабатывает» двойки. Булатова мама время от времени звонит по телефону директору новой школы тов. Тарановскому, напоминает, что её ребёнок на сей раз недоволен преподавателем математики, и просит не забывать, кто же в конце концов хозяин города. А учитель Воробьёв всё ещё безуспешно пишет объяснения, просит снять с него несправедливое взыскание «за грубые разговоры с родителями и за пьянство». И кое-кто уже советует ему, — разумеется, из самых дружеских побуждений — перевестись от греха подальше в другой город...

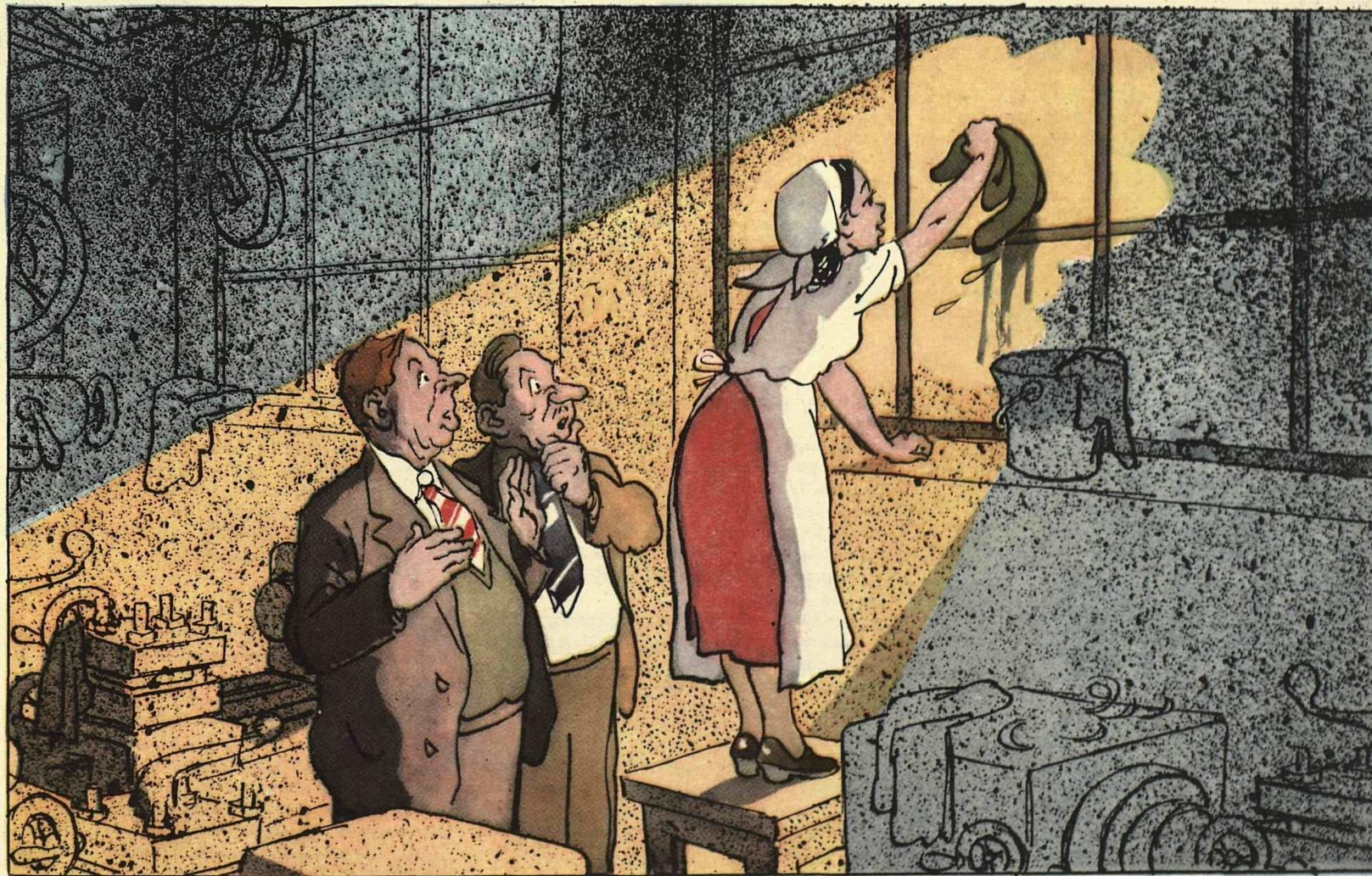
Единственное утешение Воробьёва в том, что о действительных причинах вынесенного ему «строгача» знают решительно все. Секретари Ленинградского горкома партии тт. Ефимов и Родионов знают и сочувствуют. Заместитель председателя Усть-Каменогорского облисполкома тов. Устименко знает и сочувствует. В Министерстве просвещения Казахстана тоже, говорят, сочувствуют.

А на что-нибудь более реальное у них, видать, духу не хватает.

В. СТЕПАНОВ,
С. ШЕВЕЛЁВ

ПРОСВЕТИЛО...

Рисунок А. ВАЖЕНОВА.

— Что она наделала? Теперь весь цех убирать придётся...

САТИРА ГРОЗНОГО ГОДА

Шла осень 1905 года. Бастовала вся Россия. Стояли фабрики и заводы. Не ходили поезда. Не работали почта и телеграф. Газет не было, а если и выходили, то в заметках из большинства городов кратко сообщалось: «Всё стоит». Всероссийская политическая стачка охватила всю страну. Насмерть перепуганный царь по совету премьер-министра графа Витте подписал манифест 17 октября.

В нём были такие строчки: «Даровать населению незабываемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

Манифест был опубликован во вторник 18 октября, и в этот же день в Петербурге, Москве, Нижнем-Новгороде, Иваново-Вознесенске и в других городах черносотенцы при активной помощи казаков, полиции и войск разгоняли мирные демонстрации «свободных» граждан, избивали рабочих, передовую интеллигенцию, студентов.

И всё же осень 1905 и зима 1906 года знаменательны необычайным расцветом сатирического жанра. Один за другим возникали новые сатирические журналы: «Жупел», «Пулемёт», «Стрелы», «Сигнал», «Леший», «Дятел», «Зарево», «Зарницы» и другие.

Конечно, не все они были одинаковы в своих устремлениях. Такие, как «Жупел», «Сигнал» и отчасти «Стрелы», были более демократического направления. Большинство же находилось под влиянием либеральной буржуазии, вынужденной «полеветь» в бурные дни осени 1905 года. В эти дни даже такой умеренный журнал, как «Зритель», приобрёл необычайно храбрый тон.

Вот как он, например, откликнулся на манифест 17 октября:

«НА УЛИЦАХ 18 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА»

Околоточный: — Господа, ну что вы, право? Всё устроилось, собрания разрешены, говорить можно вволю. Так расходитесь же!..»

Не обошёл своим вниманием манифест и «Сигнал». В фельетоне редактор К. И. Чуковский заявил:

«Мы просим извинения у наших читателей за крайнюю непрочность бумаги — под видом лучшего сорта нам продали ту самую, на которой напечатан манифест 17 октября».

Наибольшей популярностью пользовался в те дни журнал «Пулемёт». В первом номере журнала на последней странице был воспроизведён текст манифеста, а на нём отпечаток кровавой руки. Под рисунком значилось: «К сему листу генерал-майор Трепов руку приложил!»

Уже в день выхода журнала его редактор Н. Г. Шебуев был арестован. В начале декабря суд приговорил его к заключению в крепости сроком на год с последующей административной высылкой.

В «Пулемёте» было напечатано «Как мы с бароном беседовали о политике». В этом сатирическом интервью приведены такие высказывания некоего барона:

«Разве ты не знаешь, что господин Трепов, опасаясь покушения, написал из-за границы четыре манекена, как две капли воды похожих на него. Все в Питере знают, что он иначе

по городу и не ездит, как в пяти каретах. В одной едет сам, а в четырёх манекены. И никто в мире не знает, в которой карете Трепов, а в которой болван. Злоумышленники в тупике, не знают, в какую карету бросать «Апельсин» (бомбу). Сам Трепов ликует...»

В «Зрителе» была напечатана такая сценка с натуры:

«ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ»

Собрались несколько мальчиков.

— Давайте играть в министры!

— А как? — спросил мальчик Серёжа.

— Слушайте: ты, Ваня, будешь министром просвещения, возьми сигару, заложи ногу за ногу и кури. Шура будет юстиция, а Петя, как министр внутренних дел, будет водить Шуру на верёвочке и на всех рычать. Ты, Серёжа, будешь председатель.

— Не хочу, — перебил Серёжа и захныкал: — Не хочу, не буду!

— Почему?

— Я врать не умею...»

К этому необходимо добавить, что детям были даны имена тогдашних министров. Министра внутренних дел Дурново звали Петром, а премьер-министра Витте — Сергеем.

Жанр «Сценки с натуры» весьма охотно использовали наиболее боевые «Жупел» и «Стрелы». В «Стрелах» было напечатано:

«СКРОМНОЕ ЖЕЛАНИЕ»

— Нет ли у вас протекции к тюремной администрации?

— А что?

— Да хотел бы сесть в тюрьму. Теперь, после амнистии, места освободились...

— Странное желание!

— Ничуть не странное. Я пришёл к убеждению, что нынче единственное место, где можно себя чувствовать вполне спокойно, — это тюрьма. Мне бы хоть жену определить, а то она, бедняжка, ни одну ночь спокойно не спит. Всё погромщики чудятся...

— А, знаете, я, пожалуй, с вами рядом сяду».

«Стрелы» называли себя журналом «саркастическим и беспощадным». Под заголовком журнала жирным шрифтом печаталось перефразированное изречение Трепова: «Сотрудникам дан приказ патронов не жалеть и холостых залпов не давать!»

Мальчишки-газетчики, продавая «Стрелы», так и кричали на улицах: «А вот новый журнал! Патронов приказано не жалеть, холостых залпов не давать!»

Редактора этого журнала постигла участь Н. Г. Шебуева. Сначала редактора арестовали за «оскорбление войск», приговорили к заключению в крепости, а затем выслали.

В журналах широко применялась литературная форма «краткого диалога». В «Зрителе» однажды было напечатано:

— Население России за последнее время должно удвоиться.

— Почему?

— А по расчёту: за битого двух небитых дают».

Не менее излюбленным приёмом была пародия. Пародировались известные стихи и басни классиков, популярные песни и романсы.

«Забияка» спародировал лермонтовские стихи «На севере диком»:

В храмине богатой сидит одиноко
В мундире расшитом болван
И дремлет, качаясь, работать не может,
В глазах красноватый туман.

И снится ему, что в Москве златоглавой,
У самых кремлёвских ворот,
Приятель его, адмирал сухопутный,
«Дубасит» шрапнелью народ.

Как и следовало ожидать, номер был конфискован, а редактор привлечён к суду «за оскорбление царствующей особы».

Частенько можно встретить в сатирических журналах литературный приём «Слух». В «Стрелах», которые особенно любили этот приём, было напечатано:

«СЛУХ»

Чтобы окончательно покончить с матросскими бунтами, решено засыпать Чёрное и Балтийское моря. Материалом для засыпки послужит 4-процентная государственная рента».

Журнал «Сигнал» цензура прикончила на четвёртом номере. После этого стал выходить журнал «Сигналы». Не трудно понять, почему власти не взлюбили этот орган. В первом номере, в фельетоне «Как составлялся номер «Сигнала», говорилось:

«Собственно говоря, мы хотели издавать «Правительственный Вестник». Правда, этот юмористический орган не иллюстрируется, но зато прекрасно расходится в дни забастовки, которая происходит каждый раз, когда в России вводится конституция... Можно было бы назвать журнал «Бомба». Секрет изготовления бомб теперь ведь всем известен: берут одного скверного министра, двух хороших лошадей, одного кучера и оставляют четыре колеса. Но все подходящие министры уже изготовлены, а хорошие лошади измучены во время отступления из Мукдена...»

«Сигнал» печатал неизданные мысли и афоризмы Козьмы Пруtkова:

«1. Если ты не умён, зачем завидуешь прокурорам?»

«2. Домовладелец, кто тебе мешает переделывать пустующий дом в тюрьму?»

«3. Не думай, что ты невинен, ты ещё можешь разочароваться».

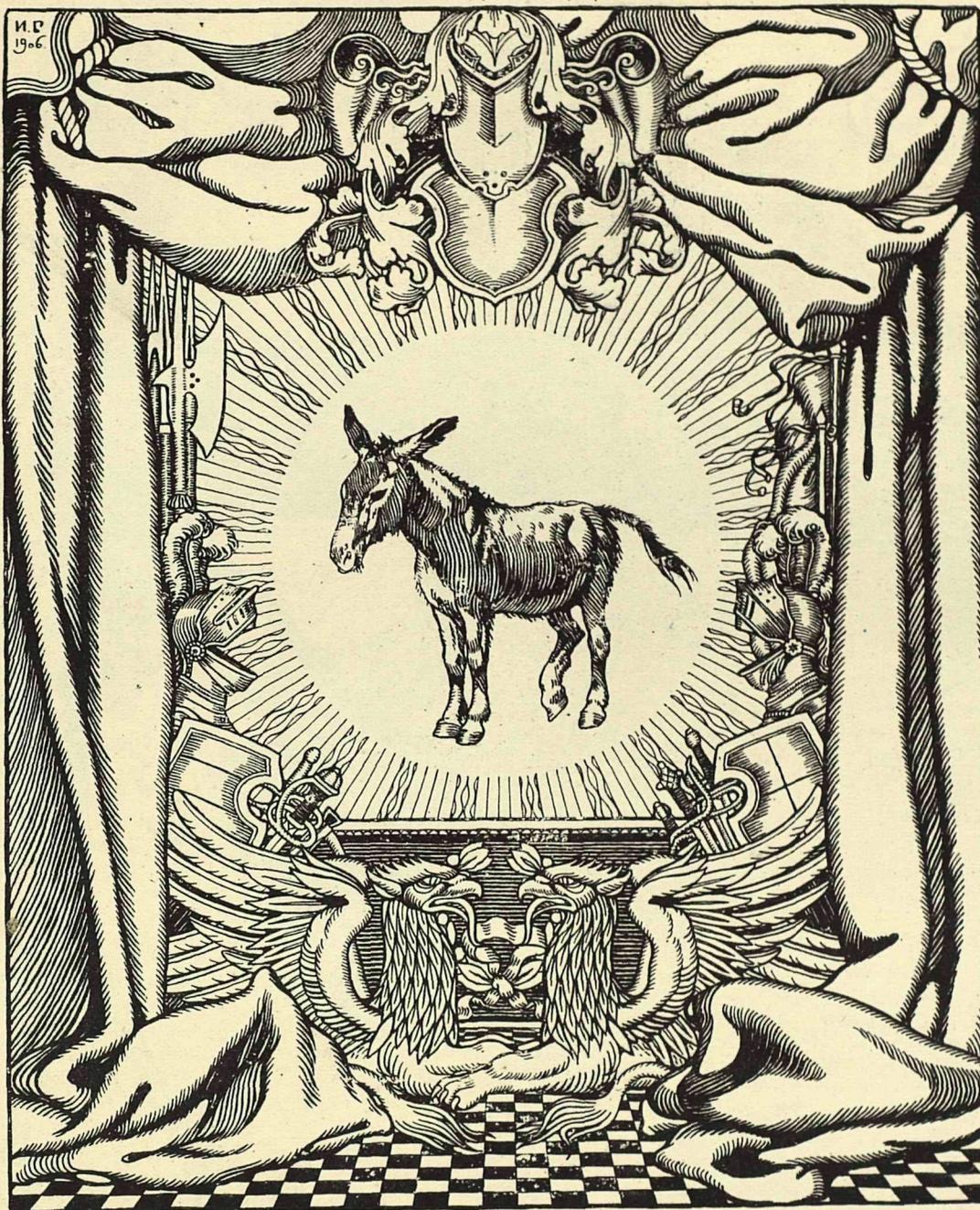
«4. Долгое заключение дополняет краткую издательскую деятельность».

Журнал «Дятел» существовал недолго. На него успела обратить внимание легальная большевистская газета «Новая жизнь». В номере от 2 декабря в газете писалось: «Дятел» так жестоко клоннул самодержавное правительство, что его тут же запретили... Просматривая покойного «Дятла», мы нашли несколько важных объявлений о потерянных вещах и сбежавших псах и, желая услужить заинтересованным лицам, перепечатаем их: «Сбежало чучело из Синода. Кличка — Пергамент. Нашедших просят держать в тайне».

Намёк на бывшего обер-прокурора Синода Победоносцева был вполне ясен.

Рисунок И. Я. БИЛИБИНА из журнала «Жупел» № 3 за 1905 год. (Для своего пародийного рисунка художник использовал пышно декорированную рамку, в которой обычно помещался портрет Николая II.)

И. Я. Билибин.

Осеľб. (Fiquus asinus) вѣ 1/20 нат. вел.

Как твой грозный патрон
Кончил жизненный путь.
Пусть сияют кресты
На холодной груди,
Ты кровавой мечты
Не буди! Уходи...

«Грозный патрон» — министр внутренних дел Плеве, убитый бомбой, брошенной Сазоновым. Дурново был при Плеве товарищем министра.

Как это ни странно, одним из наиболее популярных «юмористов» был не кто иной, как... сам Николай Второй.

В начале 1906 года вышла брошюра «Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. Составлено по официальным данным «Правительственного Вестника».

«В этих речах, лично Монархом произнесённых, — говорилось в предисловии, — раскрывается перед нами вся мощь творческого духа Державного Вождя народа, широкий размах Его начинаний. Является, следовательно, очевидная и настоятельная необходимость собрать воедино драгоценные перлы красноречия Державного Оратора, рассыпанные на страницах официального органа и потому мало доступные взорам, уму и сердцу обывателей, и заполнить таким образом зияющий пробел в отечественной литературе. Истинная прелесть этих речей — в их безыскусственности, величавой эпической простоте, прямолинейности суждения. Немало в них метких афоризмов и изречений, представляющих истинные перлы государственной мудрости. Нет надобности доказывать, насколько важно для всякого истинного русского путём постоянного перечитывания запечатлеть в памяти содержание речей, произнесённых Венценосным Главою русского народа за всё время Его благополучного царствования: это понятно само собою!»

А затем шли речи, одна другой «мудрее»: «Пью за здоровье частей, празднующих сегодня свои полковые праздники».

«Пью за здоровье столетнего, славного лейб-гвардии Егерского полка. Ура!»

«За славу и процветанье столетнего Новочеркасского полка».

«За ваше здоровье, братцы!»

«Благодарю вас за службу, а в особенности георгиевских кавалеров. Пью за ваше здоровье и благодарю. Ура!»

«Передайте извозчикам мою благодарность; объединяйтесь и старайтесь».

К этому сборнику, который показал «его величество» во всём его ничтожестве, нельзя было придираться: всё в нём строго соответствовало официальным источникам.

А в это время по рукам ходило стихотворение, впервые напечатанное в конфискованном журнале «Спрут»:

Новые идеи
Властвуют толпой.
Старые злодеи
Спят в земле сырой.
Все убрались к богу,
Побросав посты.
Погоди немного,—
Полетишь и ты!

К середине 1906 года, особенно после разгона Первой Государственной думы, перетрусившая либеральная буржуазия заметно «поправела». Революционный народ оказался для неё опаснее царя. Сатирические журналы стали исчезать. Их с каждым днём становилось всё меньше и меньше. Страницы «Будильника», «Стрекозы» и того же «Зрителя» попрежнему начали заполняться анекдотами о тещах, обманутых мужьях и дворниках.

Журналы едко издевались над штрейкбрехерами. Воспитанники училища правоведения решили заменить бастовавших почтальонов. В «Зрителе» появляется стихотворение:

Ну, на что это похоже,
Нет ни писем, ни газет!
— Папа, с письмами в прихожей
Ожидает правовед.
Забастует Дарья наша —
Кто сготовит нам обед?

— Вот, — сказал беспечно Саша, —
Да на что же правовед?

Стихов в сатирических журналах печаталось множество. Запомнилось несколько строк «Петербургских рифм»:

В божий храм сестру веду ли,
Всё патрули, всё патрули.

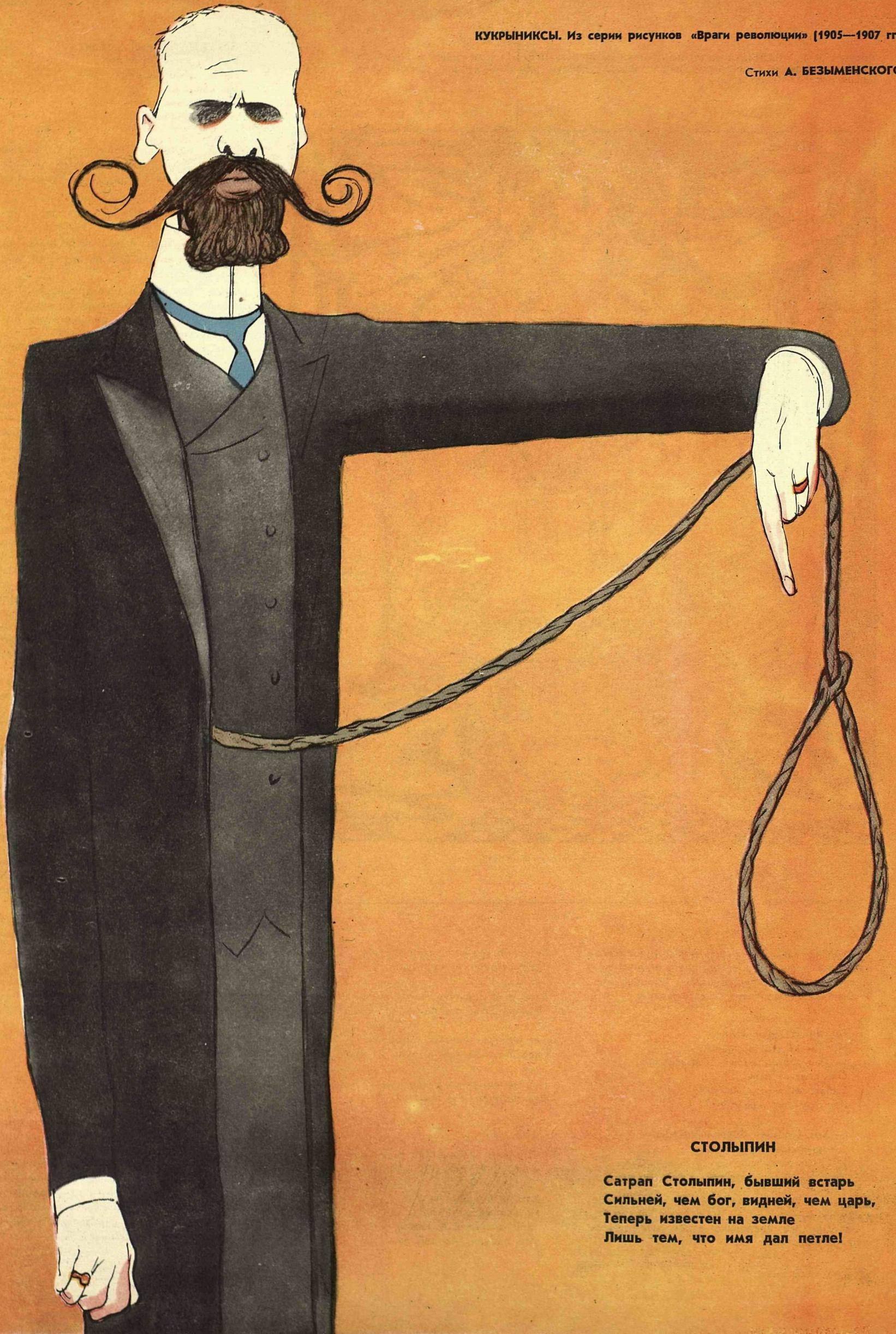
В гости к дедушке Петру ли,
Всё патрули, всё патрули.

Кучер громко скажет тпrrули,
Всё патрули, всё патрули.

Нос нечаянно потру ли,
Всё патрули, всё патрули.

В «Стрелах» напечатали посвящение министру внутренних дел Дурново:

Как ни будешь ты лют,
Не возмѣшь! Уходи!
Есть возмездья закон,
Не забудь, не забудь,

СТОЛЫПИН

Сатрап Столыпин, бывший встарь
Сильней, чем бог, видней, чем царь,
Теперь известен на земле
Лишь тем, что имя дал петле!

ГАПОН

Он толпы рабочих повел на расстрел.
Он царскую милость воспел для приманки.
Поднявши хоругви, он бога сумел
Зачислить в сотрудники царской охраны!

КРАСНОХВОСТЫЙ ПЕТУХ

В доме Саакянов всю ночь звучала музыка. Из открытых окон лились весёлые свадебные напевы и возгласы душевных поздравлений в адрес молодожёнов.

— Поднимем по полному! — кричали подвыпившие гости. — Пусть жизнь новобрачных будет такой же полной, как наши бокалы, и сладкой, как это прозрачное вино!

Виновник торжества шофёр Кировабадской грузовой автобазы Шаген Саакян на пожелания и приветствия родных и друзей отвечал самодовольной улыбкой и горделиво смотрел на свою избранницу.

После свадьбы начались счастливые месяцы молодожёнов. Не скрывали радости и родители Шагена. Старая Айкануш да и молчаливый Айказ Саакян не упускали случая при соседях замолвить слово похвалы в адрес кроткой и исполнительной жены своего единственного сына черноокой Гоарик.

— Счастье идёт к счастью, — говорили соседи. — У Айказа и дом — полная чаша и сноху взял хоть куда. Красавица! Дружная у него семья.

Ещё большую радость принёс в дом Саакянов новорожденный сын. Склоняясь к детской кроватке, бабушка Айкануш шептала мужу:

— Внук-то в нашу родню пошёл. Посмотри, какие у него умные и резвые глазёнки.

— В кого же быть плохим-то? — гордо говорил Айказ, поглаживая усы. — Крепнет род Саакянов. Как и мы, автомобилист будет, достойный наследник.

Но, как говорят в народе, радость не беспредельна. Кончились счастливые дни и для жены Шагена.

Однажды, расчёсывая волосы Гоарик, Айкануш вдруг вскрикнула и повалилась навзничь. В доме произошёл переполох. Когда старуха была приведена в чувство, она позвала сына Шагена.

— Какое несчастье в нашем доме, Шаген! — таинственным тоном чревоушателя заговорила Айкануш. — Жизнь наша в опасности.

Сын в недоумении смотрел на мать.

— Да, да, жизнь твоя висит на волоске. И мне, старой, невдомёк было посмотреть раньше на голову Гоарик. Ведь у неё на голове две макушки!

— У моей жены густые чёрные волосы. Кто может заметить, что там две макушки? — осторожно заметил Шаген.

— Глупый ты, глупый! — сурово изрекла мамаша. — Запомни, сын, народную мудрость: «Женщина, имеющая две макушки, дважды выходит замуж». Чтобы бог избавил тебя от неминуемой смерти, расходи с женой!

Повесил голову Шаген. Притих старый Айказ Саакян. Беззащитная Гоарик с грудным ребёнком была загнана свекровью в дальний угол кухни.

Соседка Саакянов, старушка Фаранзан, пробовала уговорить Айкануш, помочь оскорблённой Гоарик.

— Что ты взбеленилась, глупая? — увещевала её Фаранзан. — Какие тебе макушки взбрели в голову? Вот смотри: у меня тоже две макушки, а живу со своим стариком уже пятьдесят один год, золотую свадьбу справили.

Но упрямая Айкануш не вняла доводам старушки. Так, по прихоти суеверной свекрови, молодая женщина с трёхмесячным ребёнком на руках покинула дом Саакянов.

Какие переживания томили сердце любящего мужа, молодого отца Шагена, о чём он думал в эти трагические минуты?

Очевидцы рассказывают, что в это время Шаген и его отец Айказ мчались на машине на поиски краснохвостого петуха. Да и как не мчаться, когда сама Айкануш изрекла: «Чтобы избавиться от злых духов, несущих в дом несчастье, необходимо жертвоприношение всевышнему. И этим жертвоприношением должен стать краснохвостый петух».

Прихоти всевидящей хозяйки были удовлетворены. Краснохвостый петух, пойманный в селении Дзегам, пал смертью мученика.

...К выбору второй жены Шагеном подходил более взыскательно. Он, как бы невзначай, заглядывал на причёски девушек, пытливо всматривался в глаза и черты лица будущей избранницы.

И вот наконец в дом Саакянов снова постучалось счастье. За свадебным столом рядом с Шагеном сидит знатная работница Кировабада красавица Ашхен. Родные и знакомые снова поднимают полные бокалы за здоровье и счастье молодых. Под возгласы «горько» снова слышны поцелуи новобрачных.

Много ласковых слов поведала соседкам свекровь о своей новой невестке. Удовлетворённый расхаживал по просторным комнатам и старший Саакян.

— Ждём от тебя достойного наследника нашего Шагена, — говорил он снохе. — Родится сын, Артуром назовём. Хорошее, гордое имя — Артур Саакян!

Прошло немного времени, и из детской кроватки уже протягивал розовые ручонки младенец, наречённый Артуром. Бабушка Айкануш со слезами умиления склоняла свои седые локоны у постельки маленького внука.

В счастливом довольстве жила пополнившаяся семья Саакяна. Дедушка маленького Артура занимал руководящий пост в таксомоторном хозяйстве города. Как опытного хозяйственника-коммуниста Айказа Саакяна уважали сослуживцы. Хорошей славой честного труженика пользовался среди друзей и шофёр Шагенов. Мастерству вождения автомобилей у него обучались товарищи. За отличную работу на производстве жену Шагенов Ашхен Тур-Агапову неоднократно премировали.

И надо было случиться в доме Саакянов чрезвычайному событию, которое снова нарушило безмятежную жизнь мирной семьи. А произошло вот что.

Приснился бабушке Айкануш, на первый взгляд, добрый, безобидный сон. Принёс будто бы маленький Артур в дом три кувшина родниковой воды и вручил их своей бабушке.

— Айказ! — повелительно сказала она мужу. — Тебе известно, что в Ереване несколько недель назад отдала богу душу моя родная сестра? Недавно из селения Джагир пришло известие о смерти дальней родственницы. Три кувшина воды предвещают три смерти. Значит, я обречена на скорую смерть. Артур — не иначе как порождение волшебства.

Айказ и Шаген, сколько могли, убеждали хозяйку в ошибочном толковании сна. В самом деле: сестра её три года пролежала на больной кровати и, несмотря на всестороннюю помощь врачей, в преклонном возрасте скончалась от заболевания раком. Родственница из селения Джагир тоже долго и тяжело болела.

— Я не хочу умирать! — вопила упрямая старуха. — В наш дом в обличье младенца пробрался злой волшебник. Отныне чтобы порог моего дома не переступала нога коварной невестки и её злополучного чада!

Так вторая жена Шагенов Саакяна, скромная труженица Ашхен, с маленьким наследником на руках покинула дом мужа.

Глава семьи коммунист Айказ Саакян безнадежно разводил руками. Он не замолвил ни слова в защиту обиженной снохи.

— Моя Айкануш, умудрённая жизненным опытом, безошибочно разгадывает сны, — рассуждал он. — Надо и на этот раз уступить старухе.

Шагена Саакяна слёзно умоляла молодая жена ради маленького Артура покинуть родительский дом, снять для своей семьи комнату по соседству. Сначала он согласился, но под воздействием властолюбивой матери изменил своё решение: бросил жену и ребёнка.

В чём же тайна дома Саакянов? Кто виноват, что маленькие сыновья Шагенов Эрнест и Артур потеряли отца, потеряли родительский кров?

В эту тайну уже давно посвящены партийные и общественные организации предприятий, где работают Шаген и Айказ Саакяны. Им известно, что семью Саакянов опутали сети невежественного суеверия. Но на справедливые жалобы оскорблённой молодой матери слышится равнодушный ответ:

— Устройство благополучия семьи — личное дело Шагенов. ...Сейчас Шаген спешно подыскивает себе новую подругу жизни. Учитывая это, глава семьи Айказ Саакян уже припас великолепный экземпляр краснохвостого петуха, чтобы, как говорится, жизнь не застала его врасплох.

Только обеспечит ли названный петух мир и покой его семье? Вот вопрос, над которым стоит призадуматься не только Саакянам, но и общественным организациям города Кировабада.

К. ХРОМОВ,
С. ЕПИСКОПОСЯН

г. Кировабад,
Азербайджанской ССР.

СЧЕТ—В ПОЛЬЗУ ДРУЖБЫ

(Почти футбольный репортаж)

Наш путь из Москвы в Лондон лежал через Хельсинки, Стокгольм, Амстердам. Однако погода внесла в этот маршрут свои коррективы. В Хельсинки нам предложили лететь не через Стокгольм, а через Копенгаген. В результате двухминутного телефонного разговора с радушными датчанами нам было разрешено пребывание на копенгагенском аэродроме без датских транзитных виз. Из Копенгагена же нам пришлось лететь уже не в Амстердам, а в Брюссель. Тут бельгийцы активно включаются в состязание по гостеприимству с датчанами. Они тоже предоставляют нам, так сказать, безвизное пребывание на территории Бельгии.

Как видите, наше путешествие началось в быстром темпе и с явным преимуществом дружественного отношения, проявляемого к нам в различных странах. Настроение у нас было тем более приподнятым, что за несколько дней до нашего отъезда из Москвы Британская радиовещательная корпорация (Би-Би-Си) в специальной телеграмме ещё раз любезно выразила благодарность работникам московского радио за прекрасное обслуживание спортивных комментаторов Англии во время матчей наших футболистов с английскими, проведённых в прошлом и этом году в Москве. В телеграмме запрашивалось, какие технические услуги хотел бы получить от Би-Би-Си советский радиокорментатор. Мы ответили, что просим лишь предоставить микрофон.

В общем, всё предвещает хорошие, волнующие спортивные встречи на британской земле; я же предвкушаю интересную работу у микрофона...

Лондон встречает нас прохладной погодой и тёплыми приветствиями английских любителей спорта. Мы тотчас направляемся в Вулверхемптон, где предстоит первый матч — с командой этого города «Вулверхемптон — Уондерерс». Как вы помните, победила команда Вулверхемптона со счетом 2:1...

* * *

Внимание, внимание! Наш микрофон не установлен на стадионе Вулверхемптона. Встреча начинается с неожиданного и непонятного манёвра, предпринятого, как мы догадываемся, крайне правыми нападающими «команды» Би-Би-Си: мне отказано в микрофоне.

До начала матча остаётся несколько минут... Вот здесь, слева от меня, находится английский радиотехник, который ждёт распоряжения из Лондона, чтобы включить микрофон, и тогда, по его словам, всё будет «о'кэй».

Однако «о'кэй» пока что не получается...

Я встречаю своего коллегу — комментатора Би-Би-Си Раймонда Кленденинга. Мы с ним старые друзья. Десять лет назад он помог мне организовать репортаж из Лондона, Кардиффа, Глазго. В этом году английские комментаторы дважды передавали свои репортажи со стадиона «Динамо». Возмущённый Кленденинг бежит звонить в Лондон. Мэр Вулверхемптона и депутат парламента от этого города г-н Бэйрд возмущены не меньше, но... Но миллионы советских радиослушателей напрасно вертели в эти минуты ручки своих приёмников. Репортаж не состоялся.

Грубая игра «команды» Би-Би-Си, политические тренеры которой, как стало известно, давали свои указания из министерства иностранных дел, вызывает бурную реакцию иностранных любителей спорта, да и вообще всех честных людей Англии. «Рука Би-Би-Си заткнула рот московскому комментатору» — видим мы надписи на многих столбах в Вулверхемптоне. «Вмешательство министерства иностранных дел просто позорно», — заявляет г-н Бэйрд в «Дейли геральд». «Это не дипломатия, это ребячество», — пишет «Дейли миррор»...

Итак, первый матч закончился с общим счётом, который не делает чести любителям «холодной войны», окопавшимся в некоторых официальных учреждениях Англии. Общественное мнение с негодованием выступает против некорректного, неспортивного поведения «команды» Би-Би-Си и её тренеров.

* * *

Внимание, внимание! Наш микрофон не установлен на стадионе города Сандерленда, где сейчас состоится второй матч динамовцев с английскими футболистами — с лидером розыгрыша первенства Англии командой «Сандерленд». Против обеих этих команд, против миллионов английских и советских болельщиков, наконец, говоря словами газеты «Дейли миррор», против самого здравого смысла выступает попрежнему «команда» Би-Би-Си.

Шестьдесят тысяч зрителей, собравшихся на стадионе Сандерленда, сердечно приветствуют динамовцев. Свисток судьи Гриффитса... Мяч в игре!

Пока там внизу под нами динамовцы начинают свои первые атаки на ворота хозяев поля, я хочу по секрету сказать вам, что нападающие Би-Би-Си и не подозревают о том глубоком обходном рейде, который мы подготовили вместе с менеджером клуба «Сандерленд» Биллом Мэрреем. При этом мы с ним исходим из того, что тактические хитрости в

футболе не только разрешаются, но и поощряются...

Мы с Биллом переносим в мою ложу его телефон, я сообщаю номер этого телефона в Москву и жду звонка.

Игра продолжается. Корреспонденты английских газет не перестают осаждать меня со всех сторон:

— Что слышно? Дадут вам микрофон?

Лондон молчит. Микрофон скучает без работы. Идут последние минуты первого тайма. И вдруг у меня в ногах, в маленькой картонной коробке, тихонько заурчал телефон. Поднимаю трубку... Москва!

Советские радиослушатели следили за спортивной борьбой на зелёном поле сандерлендского стадиона. Этот «репортаж из телефонной трубки» был записан на плёнку в Москве и передан в эфир. «Вратарь» Би-Би-Си, изображённый здесь художником Борисом Ефимовым, может считать, что этот гол в его ворота был забит со штрафного удара, приговорённого ему за грубость.

* * *

Свисток судьи Гриффитса возвещает о том, что матч между московской командой «Динамо» и английской командой «Сандерленд» закончился со счётом 1:0 в пользу москвичей. Этот свисток возвещает также о том, что закончилось отнюдь не спортивное выступление любителей «холодной войны» против общественного мнения Англии, да и не только Англии. Для противников дружбы между английским и советским народами эта «встреча» закончилась с гораздо более плачевным счётом.

Мы возвращаемся домой, в Москву. Мы с удовольствием и благодарностью вспоминаем англичан — тех англичан, которые и встречали и провожали нас как своих друзей. Большое им спасибо за гостеприимство!

К сожалению, мы не можем обратиться с такими же словами к Британской радиовещательной корпорации. Нам думается, что гостеприимство Би-Би-Си не имеет в данном случае ничего общего с прославленным и традиционным гостеприимством англичан.

Би-Би-Си провела описанную «встречу» не в спортивной, а, я бы сказал, в полицейской форме. Недостойная игра!

Итак, до скорой встречи на международном футбольном поле, дорогие товарищи радиослушатели!

Вёл передачу
Вадим СИНЯВСКИЙ

Лондон — Москва. Ноябрь.

Рисунок Ю. ГАНФА.

Некоторые агрессивно настроенные деятели стран Запада продолжают ратовать за обанкротившуюся политику «с позиции силы».

ВСЁ В ТОЙ ЖЕ ПОЗИЦИИ...

Новости приборостроения

Американское географическое общество с помощью новейших телескопов произвело фотографическую съёмку Марса и установило наличие там растительности на площади в полмиллиона квадратных километров.

Неплохо было бы усовершенствовать оптические приборы до такой степени, чтобы с их помощью некоторые американские деятели могли разглядеть на нашей планете Китайскую Народную Республику и Германскую Демократическую Республику, существование которых они упорно отрицают.

Кроме того, нам кажется, что уже назрел вопрос об установке на здании ООН в Нью-Йорке гигацтского звукоулавли-

теля, который позволит даже абсолютно глухим слышать в этом здании самые отдалённые голоса, например, голоса колониальных народов. Прибор должен быть комбинированным, чтобы одновременно улавливать и усиливать различные запахи (например, пороха), откуда бы они ни исходили.

В компетентных кругах выражают надежду, что применение подобных новинок техники, возможно, помогло бы всем без исключения членам ООН соблюдать устав этой организации ещё до того, как будет совершён полёт на Марс.

Из сатирического журнала
«Ойленшпигель» (ГДР).

Бред Фреда

Начальник штаба военно-воздушных сил Канады командор авиации Фред Карпентер заявил: «Наша цель заключается в том, чтобы заставить русских понять, что мы можем разбить их в пух и прах...»

(Из газет.)

**Он хочет взять нас на испуг,
Но не подвержены мы страхам:
Тот, кто грозил разбить нас «в пух»,
Сам становился жалким прахом.**

**Сей факт воинственному Фреду
Невредно бы иметь в виду...
Над нами, одержать победу
Он может только лишь в бреду!**

Сергей ШВЕЦОВ

Василий Амелькин шёл, спотыкаясь о каждый меридиан земного шара.

Он шёл по светлой улице, где весело сияли освещаемые солнцем новые многоэтажные дома, где зеленели молодые липы, а на клумбах палисадников анютины глазки приветливо мигали прохожим.

Он шёл пьяный, грязный, с перекошенным лицом, осоловелыми глазами и выглядел тёмным пятном на фоне чистого, красивого города. Люди шарахались от него в сторону, как от прокажённого, и при этом удивлялись:

— Почему он здесь? Почему до сих пор у нас нет закона о том, что появление на улице и в общественных местах в таком мерзопакостном виде карается по такой-то статье Уголовного кодекса?

Василий Амелькин шёл, изрыгая из себя нескончаемый поток гнилых слов, от которых, казалось, даже фонарные столбы густо краснели.

Милиционер, стоявший на перекрёстке, неодобрительно качал головой — и только. Блжститель порядка полагал, что в обязанности пьяного хулигана входит нецензурная ругань и мешать ему в этом не следует. Меж тем ему было известно постановление исполкома городского Совета о том, что сквернословы подвергаются штрафу до ста рублей.

Амелькин, расталкивая прохожих, направился к автобусной остановке и, конечно, пролез вперёд, без очереди. Кто-то пытался справедливо протестовать: нельзя хулигана пускать в автобус. Но тут же у хулигана нашлись слезливые адвокаты: «Ну, выпил человек. На свои выпил...»

Некий сердобольный дядя в романе Мельникова-Печерского «В лесах» сладчайшим голосом говорил: «...господь, по своему милосердию, ко всякому пьяному... ангела для сохранности и оберегания приставляет...» Вот такие ангелы до сих пор существуют — не только на автобусных остановках, но порой мы их замечаем и в судебных органах, где они выносят приговоры для сохранности и оберегания

ТЁМНОЕ ПЯТНО

пьяниц и хулиганов. Но об этом более подробно скажем ниже.

И вот, наконец, тёмное пятно по фамилии Амелькин докатилось до Хохловского переулка — здесь его резиденция, и здесь его поле брани и драки. Здесь-то хулиган и начал забавляться вовсю, показывая все свои недожизненные таланты. Он бегал по двору, орал, кричал, бранился, хватал людей и тут же любезно обнадёживал: «Сейчас я тебя зарезу!..»

Ему угрожали милицией, судом, тюрьмой. Амелькин в ответ смеялся. Его уже три раза судили за такие художества. И Амелькин отделялся лёгким нагоняем. Он уходил из суда, с благодарностью взирая на судебного ангела, действующего для его сохранности и оберегания.

Порой бывают дела похуже, и то виновные в ус себе не дуют. Вот, к примеру, недавно пьяный хулиган Питеркин нанёс тяжёлое ранение в грудную клетку рабочему Московского тормозного завода Королёву, за что был осуждён всего-навсего к шести месяцам исправительно-трудовых работ по месту своей работы. Вот что значит, когда за судебским столом сидит (спасибо ему!) ангел с юридическим образованием!

Кроме всего прочего, на некоторых таких ангелов очень благотворно действуют слова преступника о том, что в момент

совершения преступления он был «не в себе», «шибко пьян» и «ничего не помнит». К этому приёму обратился и многоопытный Амелькин. На допросе в 26-м отделении милиции он сразу заявил: «Ничего знать не знаю и ведать не ведаю».

В обвинительном заключении по его делу читаем: «В. Г. Амелькин, рабочий Ремстройтреста Красногвардейского района города Москвы, виновным себя не признал и показал, что он был совершенно пьяным, а поэтому своих действий не помнит. Каким образом у него оказался изъятый при задержании нож, он не знает...»

Так говорит не один Амелькин. Все хулиганы при допросе ссылаются на 40 градусов. Как будто пьянство есть не усиливающее, а смягчающее вину обстоятельство. Как будто его надо премировать за то, что он напился до безобразия.

Во многих населённых пунктах упомянутое выше тёмное пятно уж слишком разрослось. Хулиган часто чувствует себя безнаказанным и на улице, и в парке, и в трамвае, и в клубе.

Не слышно что-то о показательных судах над хулиганами.

Ко всему этому надо добавить и тех судей, которые уж слишком бережно относятся к пьяницам и дебоширам.

Мы уважаем нашу милицию. Но и на милиции, как на солнце, есть пятна. Тому есть немало примеров. Приведём один из них.

Житель Ленинграда тов. Крючков написал в «Ленинградскую правду» о хулиганских похождениях группы подростков в посёлке Карташевская. Редакция газеты направила письмо в областное управление милиции. Заместитель начальника управления милиции Ленинградской области тов. Шелкопьяс сразу откликнулся на это письмо и ответил: «Факты подтвердились. Меры приняты». Прошло некоторое время, и тов. Крючков обнаружил, что меры не приняты. Он опять написал. И ему ответил тот же Шелкопьяс: «Факты не подтвердились».

Мы уважаем нашу районную прокуратуру. Но и на ней, как и на милиции, как и на солнце, есть пятна. Тому примеров много, приведём один из них.

В посёлке Варегово, Ярославской области, живёт крепко «припиваючи» Иван Самсонов. Он то и дело появляется пьяным в общественных местах, устраивает скандалы, избивает людей. Один из пострадавших написал в народный суд Большесельского района. Дело пошло в районную прокуратуру, и там «дело» закрыли и хулигана прикрыли. Гуляй, Самсонов!

Мы, конечно, очень уважаем прокуратуру РСФСР. Но и на ней, как и на районной прокуратуре, как и на милиции, как и на солнце, есть пятна. Тому примеров... Короче говоря, приведём один из них.

Три хулигана — дело было в Калининградской области, в Советском районе, — встретили поздно вечером Нину Абросимову и жестоко избили её. Хулиганов вскоре поймали и судили. Но судили так, как должны были судить люди, которые заботятся о сохранности и оберегании тех, кого не надо ни сохранять, ни оберегать. Областной прокурор опротестовал этот приговор. Пошло дело бродить по инстанциям. Бродит уже свыше восьми месяцев, к великой радости хулиганов.

Тов. Абросимова пишет нам: «Дело, в конце концов, было направлено прокурору РСФСР, где оно и застряло — ни туда, ни сюда...»

Ни туда, ни сюда... Всё это приводит к тому, что тёмное пятно разрастается там, где хулигана гладят по головке нежною рукой.

При таком отношении к амелькиным мы опять можем стать свидетелями немилых картины: вновь идёт Амелькин по улице, обдавая прохожих грязью своих ругательств и спотыкаясь о каждый меридиан земного шара...

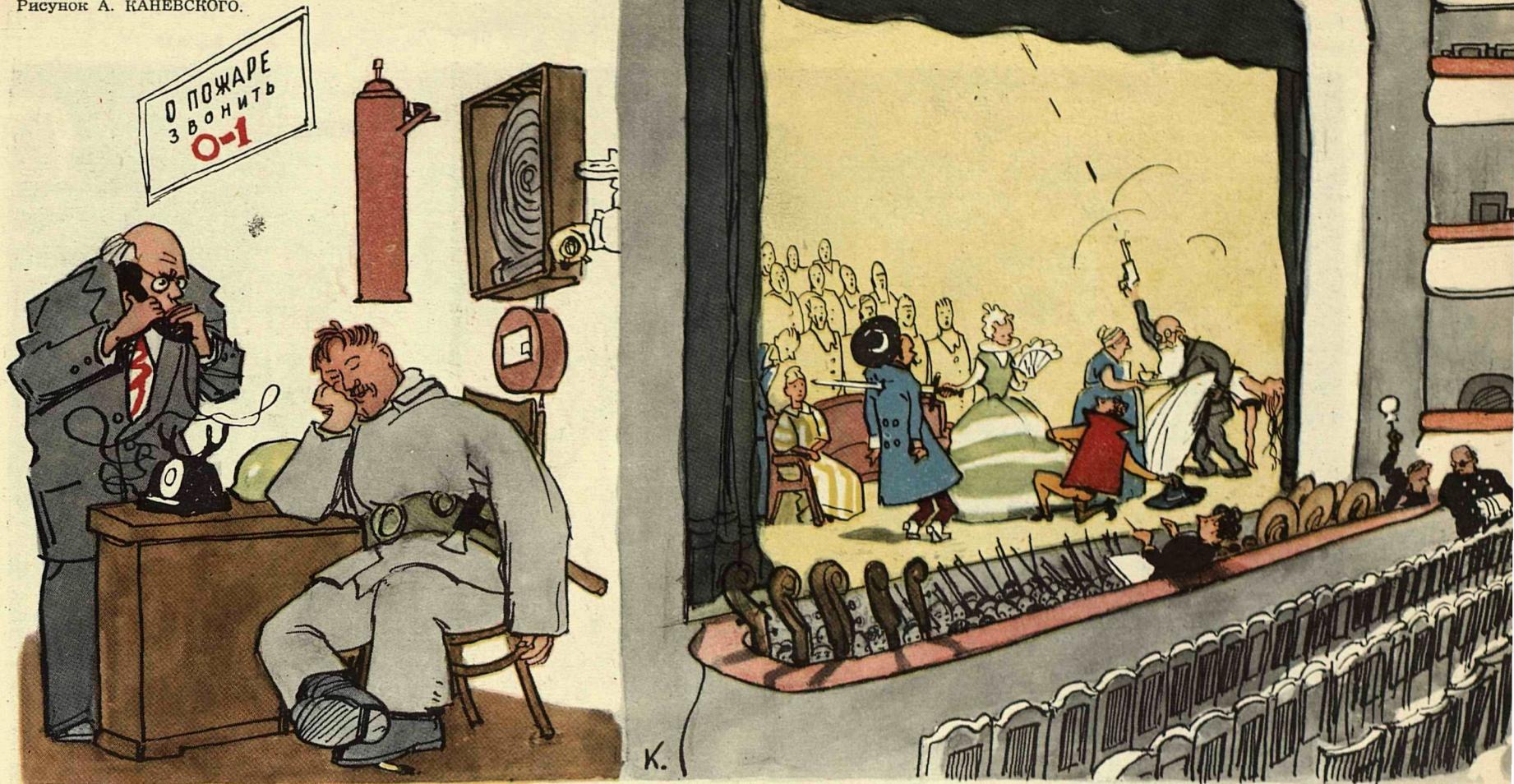
ЗАБОТЛИВЫЙ ПРЕДСЕЛЬСОВЕТА

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

— Немножко дровишек привёз. Где прикажете свалить?..

Г. РЫКЛИН

—Горим!..

БЕРЕЗОВАЯ КАША

«Ему дали пирог, он стал есть и раскрошил. Прабабушка сказала: — Как ты ешь! Сидеть было неудобно, он заёрзал на стуле. Она сказала: — Как ты сидишь!»

(В. ПАНОВА «Серёжа». Повесть. «Новый мир» № 9. 1955 г.)

— Бедный Серёжа! — вздохнул кто-то рядом.

Серёжа поднял голову. Рядом с ним стоял какой-то дяденька и смотрел на него. Не то с жалостью, не то с неодобрением. Серёжа не понял. Может, и так и этак.

— Здравствуйте, дядя! — сказал Серёжа обрадованно. — Вы меня знаете?

— Читал, читал! — сказал дядя уже вовсе строго. — Это ведь про тебя писала Вера Панова?

Серёжа кивнул и, в свою очередь, спросил:

— А вы кто?

— Я К. Владимиров, — объяснил ему собеседник. — Я про тебя тоже писал. В «Учительской газете» 16 ноября была напечатана моя рецензия. Ты разве не читал?

— Нет, — сознался Серёжа виновато.

Дядя нахмурился:

— Почему это? Ведь я про тебя читал? Вот Серёжа из «Степного солнца», наверное, прочёл бы, а?

— Так ведь он старше, он читать умеет, — прошептал Серёжа.

— Это ничего не меняет. Всё дело в размере и глубине восприятия мира, — размеренно сказал дядя с явным удовольствием, и если бы Серёжа был старше или глубже воспринимал мир, он мог бы догадаться, что это дядя сам себя цитирует.

— Так вот, слушай: я пишу, что мне тебя жаль, что у тебя обеднённое детство. Из твоей жизни автором почти выброшены игры...

— Я же играл, — робко возразил Серёжа.

— Во что? — сердито спросил дядя, недоброжелательный, что его прервали.

— В обезьяну, — торопливо начал перечислять Серёжа, — в войну (это, помните, когда я болел), в велосипед!..

— Как ты говоришь?! — воскликнул дядя. (Совсем, как прабабушка! Серёжа хотел ему сказать об этом, но побоялся его обидеть.) — Надо говорить: велосипед. Потом, в повести ни разу не показано твоё отношение к книжкам.

— Я... отнёсся, — горько прошептал Серёжа.

Он хотел напомнить строгому дяде, что он не позволяет себе читать про мальчика-с-пальчика и что он научил Коростелёва своим любимым сказкам. Хотел — и не решился.

— Мальчик не замечает красоты окружающей природы, — продекламировал дядя. (Серёжа не понял, что это про него и что это опять из статьи.) — Ведь это про тебя писано: «И когда же, и когда же — Серёжа прозевал — поднялись за Дальней улицей такие высокие, такие непроходимые хлеба? Когда зацвела рожь, когда отцвела, когда заколосилась? Серёжа не заметил, занятый своей жизнью, а она уже налилась, зреет, пышно шумит над головой, когда идёшь по дороге». Видишь, прозевал, не заметил...

Серёжа молча глотал слёзы обиды. Он не умел объяснить, что он сначала не заметил, а потом — ой, как заметил.

— А вместо того, чтобы наблюдать окружающую природу, — разглагольствовал дядя, назвавшийся К. Владимировым, — ты ходишь то в гости, то на похороны.

Тут он строго посмотрел на Серёжу и сказал:

— И вообще разве можно иметь такие принципы: «Не важно к кому, лишь бы в гости»? Я уж пожалел тебя и не стал писать об этой твоей... всеядности. Подумай и учти. А вот о том, как тебя спаивали, я написал со всей прямотой.

— Меня не спаивали! — взмолился Серёжа. — Просто Коростелёв налил мне рюмочку...

— «Из чего Серёжа заключил, что с ним, пожалуй, не пропадёшь», — ехидно процитировал критик. — Нехорошо, милый мой, с этих-то лет!.. И не перебивай меня больше, резонёр ты несчастный!

— Я не резонёр, — растерянно сказал Серёжа.

— Что же это я, по-твоему, вру, когда пишу: «Он (это ты!) приобрёл несчастную способность резонёрствовать. Он награждён превеликой склонностью к самоанализу... Ум Серёжи Пановой заполнен мыслями о бессмертии, о бесконечности жизни, о своей исключительной судьбе...» Ведь это о тебе написано в повести: «...он веровал без колебаний, что ему предстоит всё на свете, что только бывает вообще, в том числе предстояло капитанство на Гонолулу. Он веровал в это так же, как в то, что никогда не умрёт. Всё будет перепробовано, всё изведано в жизни, не имеющей конца». Думал ты так или не думал?!

— Думал, — всхлипнув, выдал из себя Серёжа. — И Шурик, наверно, так думает и другие.

— Не клевети! — предостерёг его К. Владимиров. — Знай, что «простые маленькие советские мальчики и девочки мечтают об игрушках, о книжках, о вкусной манной каше...»

— Не люблю я её, — прорыдал Серёжа.

— Да я тебя манной кашей и не кормил бы! — вышел из себя и дядя. — Берёзовой тебе надо отведать, берёзовой! И тебе и твоей Пановой!

Но тут из-за забора выглянул серёжин приятель Васька. Он сразу всё понял, прыгнул и, загородив собой рыдающего Серёжу, сказал К. Владимирову нехорошие слова.

— И это твой друг! — с пафосом воскликнул дядя. — Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты! Читатель хотел бы увидеть в твоём облике черты наших современников, а ты...

Но мальчик уже больше ничего не слушал. Он стремглав убежал от своего речистого собеседника.

И в самом деле, бедный Серёжа!

А. ТУРКОВ

— Решительный человек наш начальник: всегда смело ставит свою резолюцию...

Р. САРЦЕВИЧ

Об интересах производства и вредном стиле руководства

Народ по улице течёт.
Сияет солнце. День погожий.
— Илье Петровичу почёт,
Сказал прохожему прохожий.

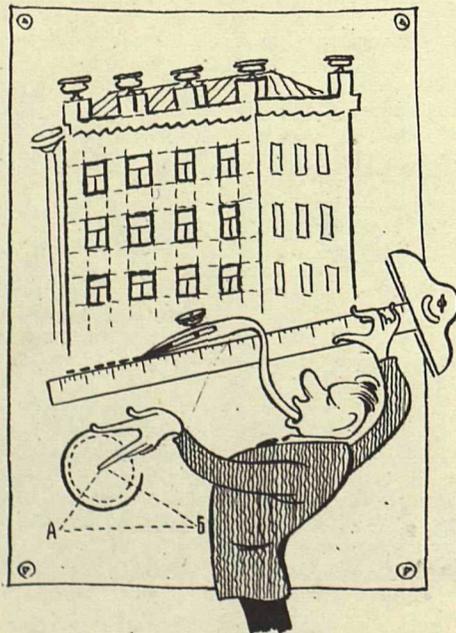
— Ба! Сколько зим и сколько лет!
Тебя и не узнаешь прямо!
Привет, Иван Лукич, привет!
Ну, как здоровье! Как программа!

Взглянув на друга своего,
Иван Лукич сказал со вздохом:
— Здоровье вроде ничего,
А вот с программой дело плохо.

Друг посочувствовал ему:
— Да, неприятная картина.
А всё, наверно, потому,
Что расшаталась дисциплина!

Иван Лукич, махнув рукой,
Ответил:— Нет, не в этом дело.
Скажу тебе, мой дорогой,
Текущность кадров одолела.

Всё время скатываюсь вниз.
Какая может быть работа!

Оформишь двадцать единиц,
А сорок требуют расчёта.

И зам измучился и я.
В отделе кадров суматоха...
— Скажи, а как насчёт жилья!
Наверно, тоже дело плохо!

— Да вот хочу построить дом,
Красивый и многоэтажный.
Чтоб были все удобства в нём,
Чтоб был жильём доволен каждый.

Но с этой стройкой потерплю,
Пока идёт программа комом.
Сначала кадры укреплю,
Потом займусь вплотную домом.

— Постой, а как живёт народ,
Пока ты думаешь о стройке!
— Кто в общежитии живёт,
А кто у частного на койке.

— Твой стиль работы мне знаком,
Болтать о всём, конечно, можно,
Но даже длинным языком
Построить дом довольно сложно.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Товарищ Крокодил!

Не хочешь ли ты записаться в число абонентов нашей библиотеки? Мы смогли бы снабжать тебя интереснейшей технической литературой, издаваемой управлением Свердловской железной дороги. На этой дороге очень активно действуют изобретатели и рационализаторы. А управление, стремясь распространить их опыт, печатает в виде тоненьких симпатичных брошюрок так называемые «Информационно-технические письма».

Правда, среди этой литературы ты не найдёшь описания очень многих, весьма серьёзных рационализаторских предложений, которые с удовольствием использовали бы другие железные дороги. Но зато встречаются прелюбопытные «технические откровения», способные развеять самого мрачного индивидуума. Одно из таких откровений посылаю тебе, дорогой Крокодил, так сказать, для образца.

Е. ИГНАТЧЕНКО

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА

С присланным ознакомился и решил принять любезное приглашение заведующей научно-технической библиотекой Пермского отделения Свердловской ж. д. тов. Игнатченко. Уж очень велик соблазн! Перед нами действительно прехорошенькая голубенькая брошюрка, на ней вишневыми буквами обозначено: «Швабра для мытья полов после малярных и штукатурных работ». Тут тебе и пояснительный текст и даже чертежи этого самоновейшего инструмента, который состоит из палки и прибитой к ней (под углом в 30 градусов) колодки с резиновой подкладкой. В особом разделе, озаглавленном «Назначение и работа швабры», с исчерпывающей полнотой даны руководящие научно-технические указания:

«Швабра с резиновой подкладкой служит для мытья полов после малярных и штукатурных работ. Поверхность поливается водой, после чего пол протирается шваброй, затем чистый пол затирается тряпкой».

Ничего не скажешь: управление Свердловской дороги вносит ценный вклад в мировую техническую литературу!

Дорогой Крокодил!

Убедительно просим тебя разъяснить главному инженеру нашего депо тов. Дубницкому и главному техническому инспектору ЦК союза железнодорожников на Томской дороге тов. Богданову, на основании какого постановления люди умываются.

Видишь ли, около года тому назад тов. Дубницкого вдруг озадачили каверзной бумажкой. Санитарный врач требовал обеспечить локомотивные бригады на паровозах умывальниками, мылом, по-

лотенцами. Полгода раздумывал над этой проблемой тов. Дубницкий. Ни до чего не додумавшись, он решил, в свою очередь, озадачить тов. Богданова таким запросом:

«Прошу дать разъяснение: на основании какого положения или постановления обязывают обеспечить поездные бригады умывальниками, мылом и полотенцами?»

Тов. Богданов не стал утруждать себя раздумьем, а просто взял телефонную трубку и позвонил во врачебно-санитарную службу дороги:

— Что вы там выдумываете с умывальниками и полотенцами! По этому вопросу у меня нет никаких указаний. Я не поддерживаю ваших требований. Умываться и так можно, попросту. Всё!

Любопытно бы, дорогой Крокодил, разведать: как умываются и чем утираются сами-то тт. Дубницкий и Богданов? Из умывальников, с полотенцами или... «из ладошки — да рукавом»?..

Г. ПАДЕРИН

ст. Тайга, Томской ж. д.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 19 журнала Крокодил было опубликовано «Открытое письмо» председателю Исполкома Якутского городского Совета депутатов трудящихся тов. Антипину по поводу неблагоустроенности улиц города Якутска.

Якутский областной комитет КПСС рассмотрел этот вопрос. За невниманье и благоустройству города тов. Антипину объявлено взыскание.

На приведение в порядок улиц и Даркылахской дороги отпущено 4 500 тысяч рублей.

В № 27 Крокодила в заметке «Проза жизни» рассказывалось о том, как технорук Искитимского пищекомбината Мосин утвердил наряд, выписанный на разгрузку мертвецки пьяного начальника отдела снабжения Шубенкова.

За безответственное отношение к своим обязанностям Мосину объявлен строгий выговор. Шубенков за систематическую пьянку с работы уволен.

В том же номере в письме В. Борисенкова говорилось о бюрократическом порядке оформления документов для получения хлебопродуктов на мельнице № 1 в городе Горьком.

В настоящее время порядок получения хлебопродуктов упрощён. Вместо пяти документов требуется два.

(по неопубликованным письмам)

Председатель сельхозартели «Н. Рубельники» тов. Маликенас (Литовская ССР), не учитывая интересов колхоза, распродал колхозных поросят. Об этом написали Крокодилу члены артели.

Тов. Маликенас отстранён от работы председателя.

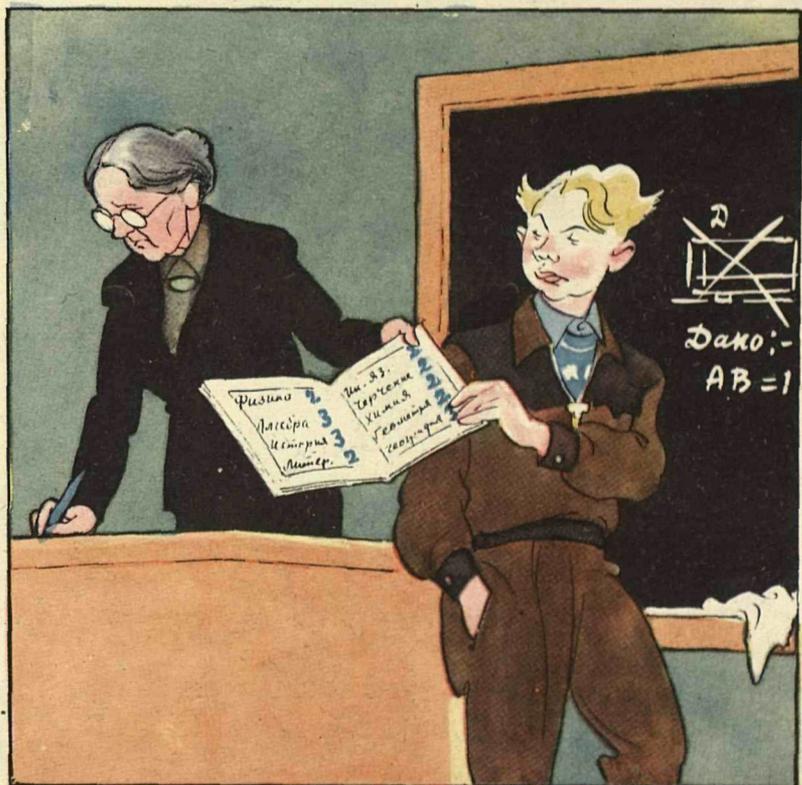
Родильное отделение больницы в г. Беломорске (КФССР) нуждалось в ремонте и переоборудовании. Об этом сообщили Крокодилу жители г. Беломорска.

В настоящее время время родильное отделение переведено в другое помещение. На приобретение белья, медоборудования и инвентаря больнице дополнительно выделено 72 тысячи рублей.

Министерством здравоохранения республики принято решение реорганизовать родильное отделение в самостоятельный родильный дом.

От родителей он получает много...

...а от преподавателей куда меньше.

Владимир ИВАНОВ

Строгие меры

Семён Семёнович в печали,
Он хмур, задумчив и уныл...
— Опять сто тысяч штрафа дали!
— Нет, хуже! Блюдечко разбил.

На службе выкрутиться проще,
А тут последствия мрачны:
«На вид» получит от жены
И строгий выговор от тещи!
г. Ленинград.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05686. Изд. № 961. Подписано к печати 29/XI 1955 г. Формат бум. 70 × 108/16. Заказ № 3200. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

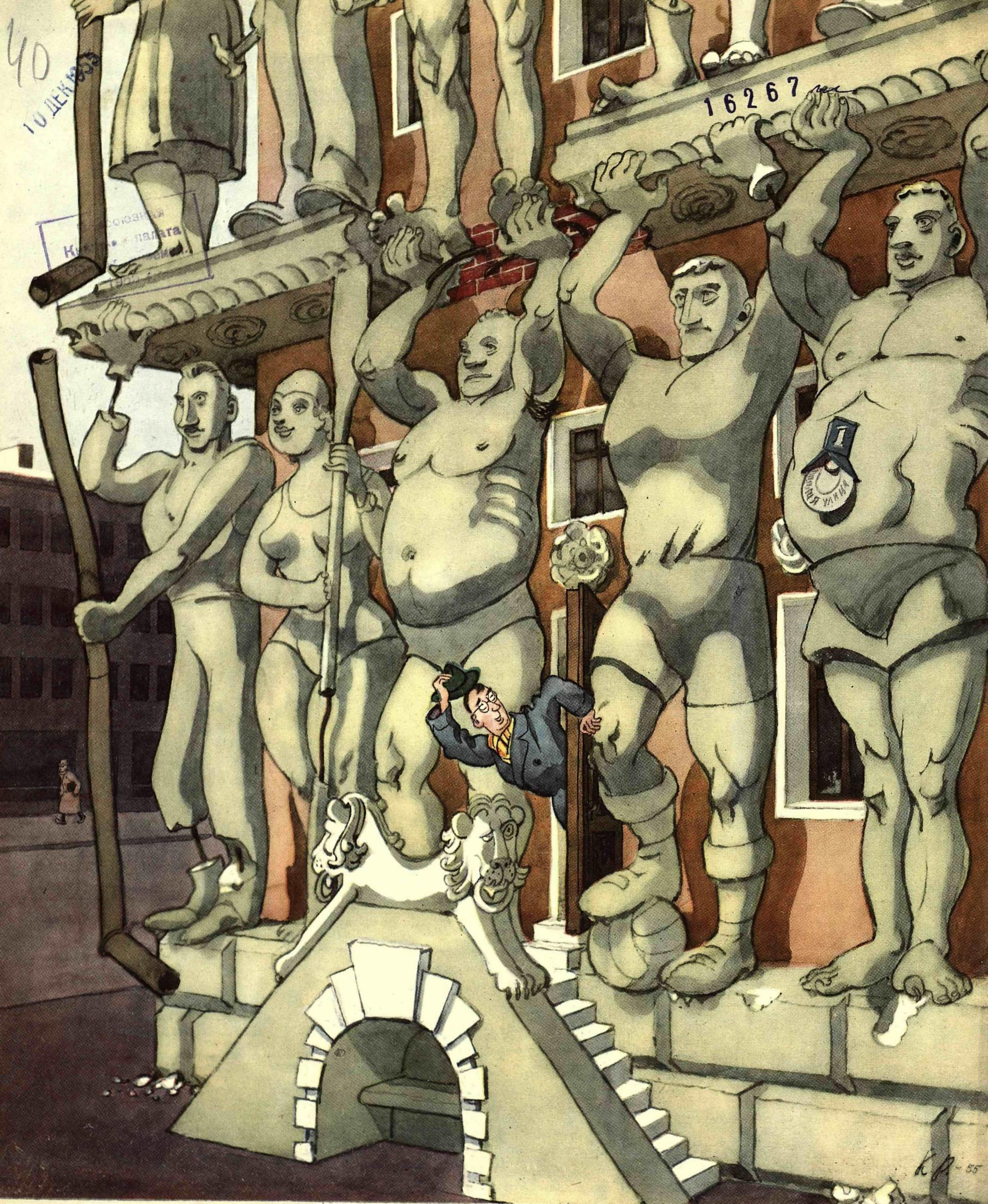

Рисунок К. РОТОВА.

ЖЕРТВА АРХИТЕКТУРНЫХ ИЗЛИШЕСТВ
ЖИЛЕЦ:— Позвольте пройти!